

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

А. В. ВИНОГРАДОВ

К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки стоянки Джанбас-4, проведенные в 1939—1940 и 1945 гг. под руководством С. П. Толстова, привели к открытию новой поздненеолитической культуры, названной С. П. Толстовым кельтеминарской¹. За последние десять лет границы кельтеминарской культуры значительно расширены как территориально, так и хронологически. В настоящее время известно уже около сотни кельтеминарских стоянок и еще большее количество отдельных находок. Памятники кельтеминарской культуры, связанные единством основных форм керамики и приемов ее орнаментации, а также форм каменной индустрии, распространены на довольно обширной территории. Сюда входит часть западного Казахстана: на западе до бассейна Уила, Сагиза и Эмбы, на севере и северо-востоке — до Тургая и Иргиза. Южные границы этой территории захватывают северо-восточное Приаралье, нижнее течение Сыр-Дарьи, центральные и северные — Кызыл-Кума, нижнее и среднее течение Аму-Дарьи, значительную часть Кара-Кумов, в том числе районы верхнего и среднего Узбоя. В виду относительно слабой изученности отдельных районов этой территории наметить границы кельтеминарской культуры более точно в настоящее время не представляется возможным.

Из огромного количества кельтеминарских материалов опубликована лишь незначительная часть. В работах С. П. Толстова наряду с первыми публикациями материалов Джанбас-4 и ряда других стоянок дана характеристика основных черт материальной культуры, хозяйства и особенностей родового строя кельтеминарцев, определен круг их культурных связей². Большое количество материалов, собранных на развееанных позднекельтеминарских стоянках западного Казахстана, опубликовано в ряде статей А. А. Формозова³. В ближайшее время выйдет в свет II том Трудов Хорезмской экспедиции, в котором помещена статья М. А. Итиной, посвященная публикации многочисленных кельтеминарских находок, сделанных экспедицией на Узбое.

Опубликованный кельтеминарский материал неоднократно привле-

¹ С. П. Толстов, Древности верхнего Хорезма, «Вестник древней истории», 1941, № 1.

² С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

³ См. работы А. А. Формозова: Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане, «Вестник Казахстанского филиала АН СССР», № 2, Алма-Ата, 1945; Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане, «Вестник Казахстанского филиала АН СССР», № 5, 1946; Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, XXV, 1949; Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, КСИИМК, XXXI, 1950.

кался рядом исследователей для решения многих вопросов древнейшей истории Средней Азии, Казахстана и смежных территорий⁴.

Изучение материала кельтеминарских стоянок показало, что все они довольно отчетливо делятся на две большие хронологические группы, отражающие последовательные этапы развития кельтеминарской культуры.

Ранний этап кельтеминара наиболее полно представлен материалами стоянок Джанбас-4, 5, 12; Куняк-1 (район Акча-Дарьи); Кугунек-22; Бала-Ишем-9 (верхний Узбой); Агиспе и других в северо-восточном Приуралье. Все эти стоянки дают в основном материал, сходный как в формах и орнаментации керамики, так и в кремневом инвентаре. Раннекельтеминарская керамика (рис. 1 и 2), изготовленная из местных лёссов-

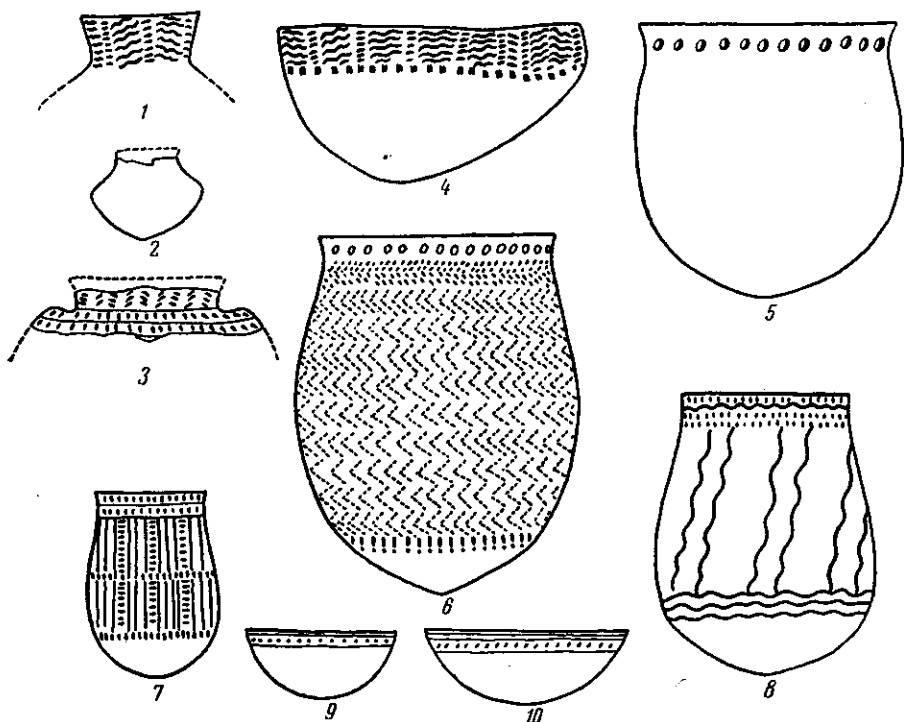

Рис. 1. Ранний этап кельтеминарской культуры, керамика: 1—7, 9, 10 — Джанбас-4; 8 — Куняк

вых глин с примесью шамота (наиболее часто), дресвы, толченых раковин и песка (так называемая песочная керамика), имеет следующие основные формы:

1. Большие сосуды вертикально удлинённых пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом. Дно круглое или слегка заостренное (рис. 1, 5—8).

2. Широкогорлые низкие чашки с прямым венчиком и резко сужающимися книзу стенками. Дно круглое или заостренное (рис. 1, 9—10).

3. Сосуды ладьевидной формы. Их разновидностью являются чаши овально-угловатых очертаний (рис. 1, 4).

4. Большие сосуды с шаровидным туловом и прямым, отогнутым наружу венчиком. Дно круглое (рис. 1, 1, 3).

Количественно преобладают сосуды первой и второй групп.

⁴ А. В. Збруева, Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, «Вестник древней истории», 1946, № 3; А. А. Иессен, Ранние связи Приуралья с Ираном, «Сов. археология», XVI, 1948; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949; В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, «Материалы и исследования по археологии СССР», 35, 1953; А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, XXXIX, 1951, и другие работы.

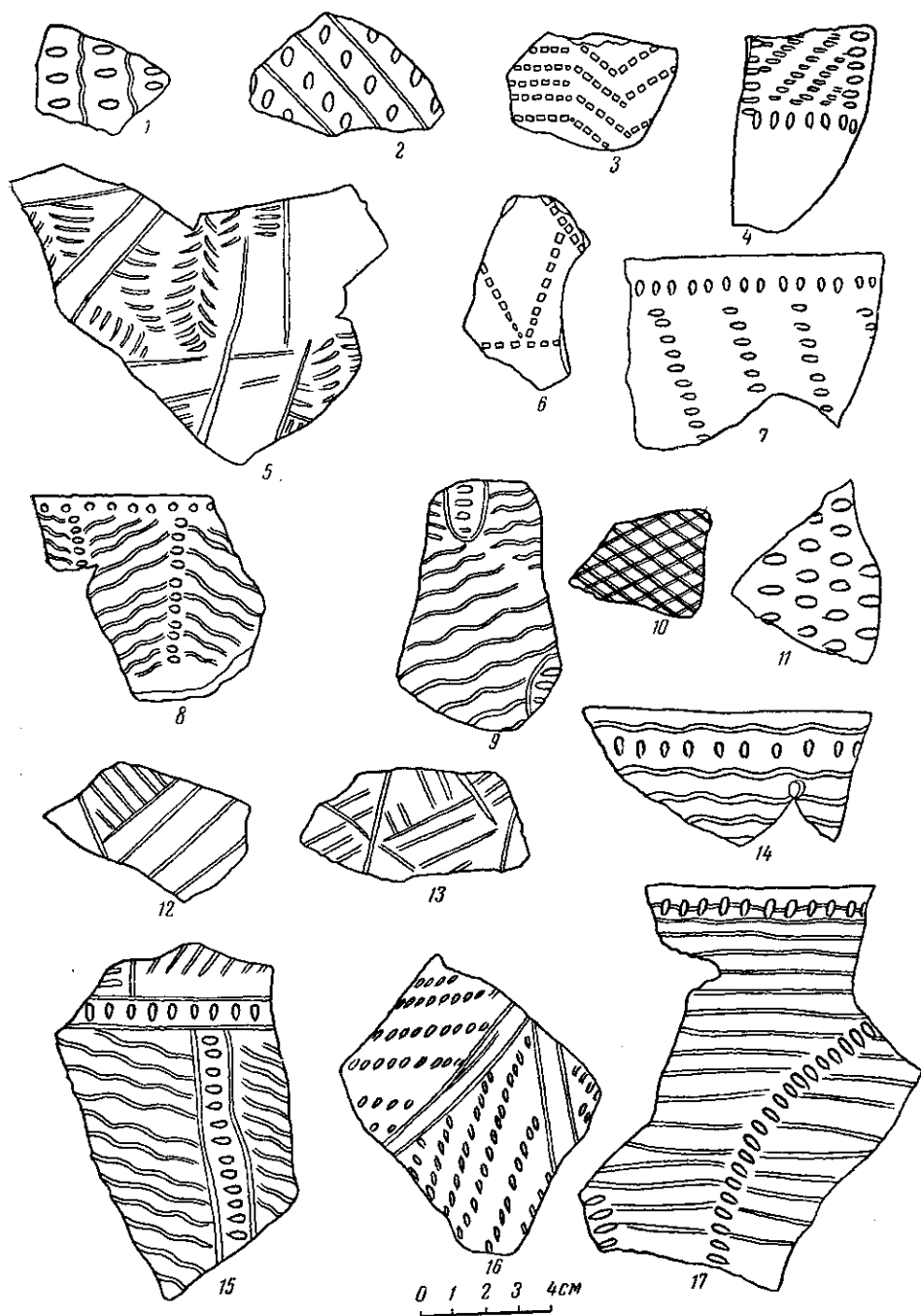

Рис. 2. Ранний этап кельтеминарской культуры, керамика: 1—15, 17 — Джанбас-4; 16 — Куняк-1

Почти вся раннекельтеминарская керамика орнаментирована. Орнамент покрывает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{9}{10}$ поверхности сосуда (рис. 2). Наиболее широко распространен орнамент, нанесенный насечками и вдавливанием, а также прочерченный — волнистый и прямолинейный. Значительно реже

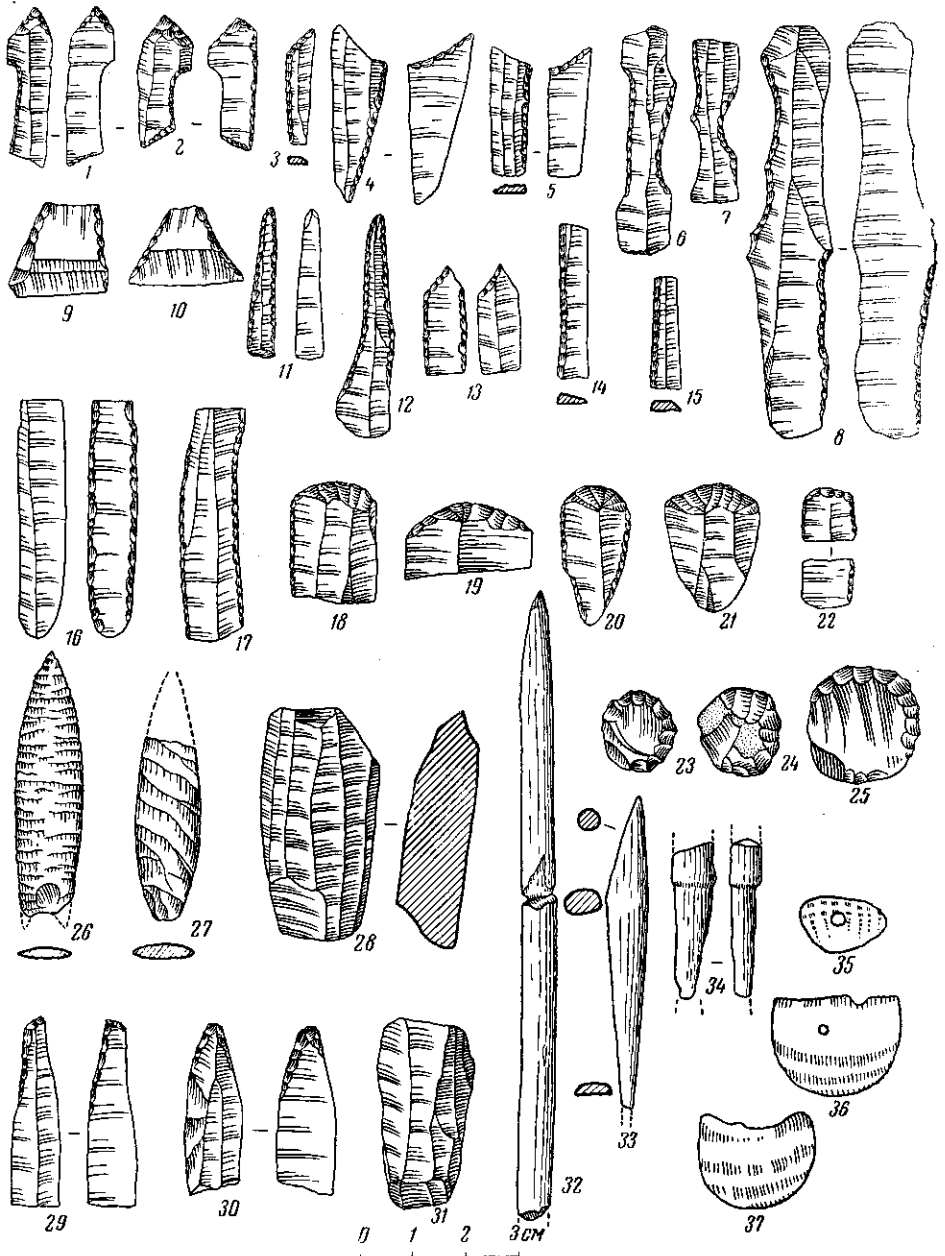

Рис. 3. Ранний этап кельтеминарской культуры, изделия из камня, кости и раковин: 3, 9, 14, 15, 18, 21, 27 — Бала-Ишем-9; 6, 7, 12, 13, 19, 20, 23—25, 31 — Кугунок-22; 1, 2, 4, 5, 8, 11, 16, 17, 22, 26, 28—30, 32—34, 36, 37 — Джанбас-4; 35 — Бала-Ишем-8; 10 — Саксаульская-1

встречается зубчатый орнамент и изредка ямочный (круглоямочный), трубчатый, орнамент, нанесенный отступающей палочкой и ногтевым вдавливанием. Можно различить три основных приема орнаментального заполнения пространства.

1. Сплошное покрытие стенок сосуда простыми повторяющимися эле-

ментами орнамента (елка, зигзаг, горизонтальные полосы насечек, отгиски зубчатой качалки).

2. Поверхность также заполнена сплошь, но разделена кроме того на ряд крупных геометрических фигур — подпрямоугольных, треугольных, ромбовидных.

3. Поверхность сосуда при помощи прочерченных линий, полос, насечек или вдавлений, лесенок и т. п. делится на ряд правильных геометрических фигур, чаще всего прямоугольников, образующих орнаментальные пояса; фигуры заполняются параллельными волнистыми или прямыми линиями — вертикальными, горизонтальными или наклонными, различными системами насечек, лесенок, ромбоячейстой решеткой; последний прием наиболее сложен и интересен.

Изредка встречается раскраска и роспись сосудов красной и желтой охрой.

Каменная индустрия раннего кельтеминара (рис. 3), имеющая ярко выраженный пластинчатый микролитовидный облик, характеризуется наличием многих пережиточных для позднего неолита форм. Это, прежде всего, наконечники стрел на пластинах с подтреугольным коротким пером, асимметричной боковой выемкой и скошенным основанием (наконечники кельтеминарского типа); вкладыши на узких пластинах с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом; вкладыши с притупленной спинкой и прямыми необработанными концами; ножевидные пластины с широкими асимметричными выемками по бокам; узкие и длинные проколки на пластинах; встречено несколько изделий геометрической формы — мелких симметричных трапеций.

Из остальных форм следует назвать: сверла на толстых пластинах, концевые скребки, скребки на отщепях нескольких видов, многочисленные ножевидные пластины с ретушью различного рода, односторонние призматической или усеченно-конической формы нуклеусы, рыболовные грузила, зернотерки. На раннекельтеминарских стоянках наряду с наконечниками стрел, изготовленными на пластинах, изредка встречаются и двусторонне обработанные наконечники, обычно листовидной формы со скругленным или выемчатым основанием. Следует отметить, что обитатели раннекельтеминарских стоянок владели всеми основными характерными для позднего неолита приемами обработки камня. Переживание ряда древних форм и длительное сохранение общей микролитовидности инвентаря никоим образом нельзя рассматривать как признак технической отсталости кельтеминарцев. По-видимому, это связано с ведущей ролью рыболовства в хозяйстве обитателей стоянок раннего этапа.

По аналогиям каменному инвентарю, а особенно приемам орнаментации керамики (Джебел — IV слой, Андреевское озеро I, Козлова перейма — VIII пункт, Стрелка — нижний слой и др.) ранний этап кельтеминарской культуры можно датировать концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э.⁵

⁵ Датировка стоянки Джанбас-4 концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. была предложена впервые С. П. Толстовым еще в 1946 г. (С. П. Толстов, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, «Вестник древней истории», 1946, № 1). Эта датировка была подвергнута критике в статье А. А. Формозова «К вопросу о происхождении андроновской культуры» (КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 6—7), который предложил датировать стоянку не ранее чем началом III тысячелетия до н. э. Позднее эту датировку приняла В. М. Раушенбах (см. ее работу «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы», М., 1956, стр. 147—149). Основанием для выводов этих авторов послужило наличие якобы в материалах стоянки плоскодонных сосудов и веревочного орнамента, а также сосудов с окрашенными стенками. Однако при обработке материалов стоянки нами не было обнаружено ни плоскодонных сосудов, ни веревочного орнамента. Что же касается следов окрашивания на ряде кельтеминарских сосудов, то этот факт никоим образом не может служить основанием для датировки стоянки второй половиной III тысячелетия до н. э., так как древнейшая расписная керамика на юге Туркмении, откуда этот прием мог быть заимствован кельтеминарцами, датируется, по новейшим исследованиям, V тысячелетием до н. э.

Поздний этап кельтеминара представлен материалами таких крупных стоянок, как Джингельды-6, Таджи-Казган-2, 3, 8 (Акча-Дарья), Лявлякан и Беш-Булак (Кызыл-Кумы), Саксаульская-2 (северо-восточное Приаралье) и многих десятков других. В материалах всех позднекельтеминарских стоянок очень сильны традиции раннего кельтеминара. Особенно это относится к стоянкам Джингельды-6 и Лявлякан, являющихся по материалу хронологически переходными от раннего этапа к позднему.

В керамике позднекельтеминарских стоянок сохраняются некоторые ранние формы сосудов. Это сосуды первой и второй упомянутых выше групп. На стоянке Джингельды-6 найдены обломки сосуда со сферическим туловом. Новое в керамике выражено появлением сосудов горшковидной формы с плоским дном, значительным уменьшением размеров сосудов и изменением их пропорций. Сосуды теряют вертикально-вытянутые пропорции, становятся более приземистыми. Этим подготавливается переход к горшковидным и баночным сосудам эпохи бронзы.

Значительные изменения происходят в приемах орнаментации керамики (рис. 4). Исчезают сложные орнаментальные композиции с применением прочерченного — волнистого и прямолинейного орнамента, употребление волнистого орнамента вообще резко сокращается.

Большое значение приобретает орнамент, нанесенный качалкой — зубчатой и гладкой, зубчатым штампом, насечками, вдавливанием. Орнаментальное пространство заполняется, как правило, простыми повторяющимися элементами: горизонтальными лентами отпечатков качалки и полосами зубчатого штампа, зигзагом, елкой, лесенками. Встречаются орнаментальные пояски, состоящие из мелких геометрических фигур, в том числе заштрихованных треугольников. Количество орнамента на стенках сосудов сокращается, часть сосудов вообще не орнаментирована.

Каменный инвентарь позднего кельтеминара во многом продолжает старые микролитовидные традиции (рис. 5). Наконечники стрел кельтеминарского типа, вкладыши с притупленной спинкой, пластины с выемками часто еще встречаются в инвентаре стоянок, хотя по ряду мелких признаков они уже отличаются от аналогичных изделий раннего этапа. Увеличиваются количественно и становятся более разнообразными скребки на отщепах. Дальнейшее развитие получают двустороннеобработанные наконечники стрел; кроме листовидных наконечников, появляются наконечники подтреугольной и ромбовидной формы. Преобладают листовидные с выемкой в основании наконечники. Характерным для позднекельтеминарского инвентаря признаком является наличие двух новых типов изделий, не микролитовидных по характеру. Это двусторонне обработанные наконечники копий или дротиков, сделанные на массивных отщепах и достигающие в длину до 15 см, а также широкие ножи с выгнутым рабочим краем и острым или округленным концом, со средней длиной 8—10 см, изготовленные либо на отщепах, либо на широких ножевидных пластинах. На двух позднекельтеминарских стоянках — Топографической (Узбой) и Желги-Загем-3 (северо-восточное Приаралье) найдены песчаниковые выпрямители древков стрел характерной каткомбной формы.

В материалах стоянок (Беш-Булак, Иргиз) имеются прямые указания на то, что их обитатели знали технологию выплавки меди и изготовляли из нее простейшие орудия и украшения.

Точная датировка позднекельтеминарских стоянок затруднительна, так как ни одна из стоянок, обнаруженных к настоящему времени, не дала неразрушенного культурного слоя. По аналогиям в приемах орнаментации керамики (Полуденка-1 и др.) стоянки Джингельды-6 и Лявлякан можно датировать серединой — третьей четвертью III тысячелетия до н. э. Хронологически к ним примыкают некоторые материалы Таджи-Казганской группы стоянок. Большинство же позднекельтеминарских стоянок по многочисленным аналогиям (Полуденка-1, Левшино, Екатеринбург, Дже-

бел, III—II слои, Усть-Нарым и др.), а также по ряду датирующих форм (например, выпрямители древков стрел) можно датировать второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э. Позднекельтеминарские стоянки уже целиком относятся к эпохе энеолита. По материалам позднего этапа довольно отчетливо прослеживаются и локальные варианты куль-

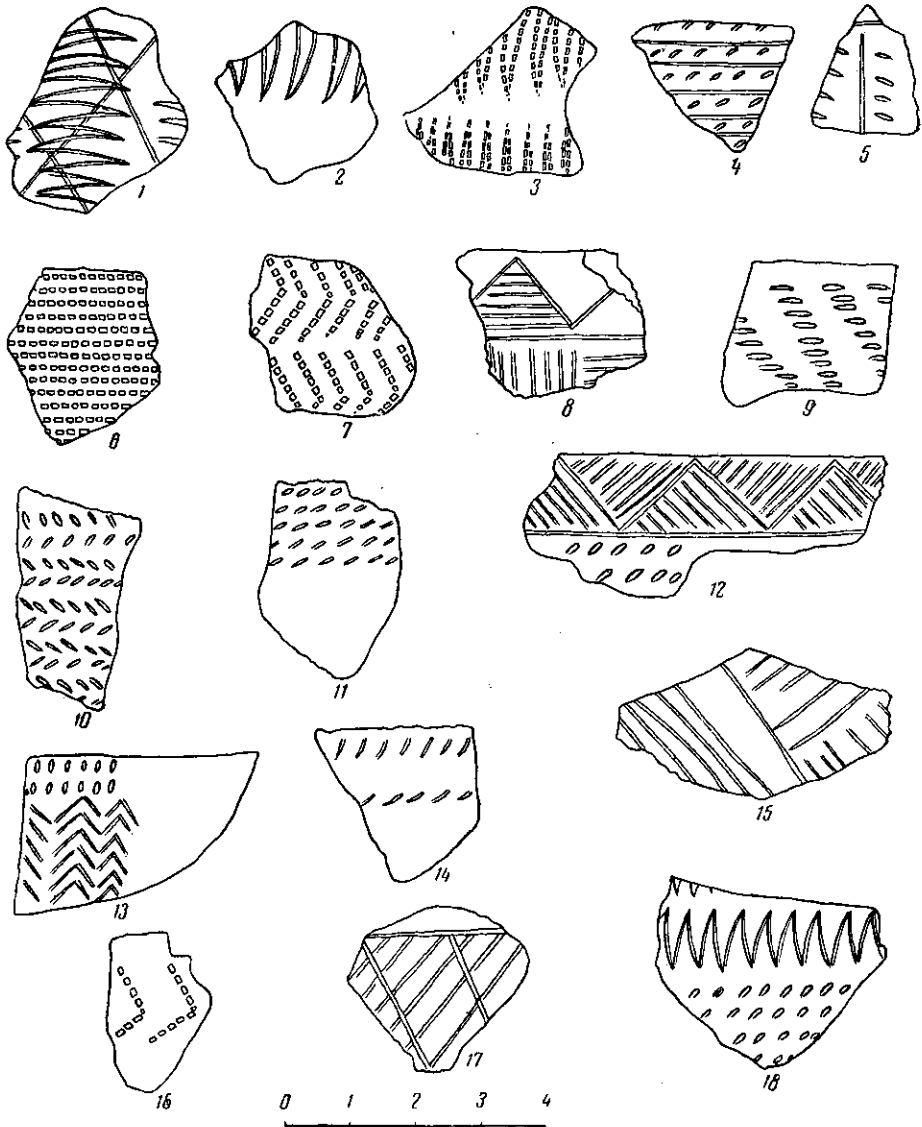

Рис. 4. Поздний этап кельтеминарской культуры, керамика: 1, 18, Таджи-Казган-2; 2, 11, 13, 14 — Беш-Булак; 3—5, 8, 9, 12, 15 — Джингельды-6; 6 — Желги-Загем-3; 7 — Саксаульская; 10 — Таджи-Казган-10; 16, 17 — Таджи-Казган-6а

туры — узбойский, акча-дарьинский, западно-казахстанский, намечается кызыл-кумский вариант.

Основой хозяйства кельтеминарцев на раннем этапе являлось рыболовство. На это указывает состав костных остатков со стоянки Джанбас-4, а также многочисленные косвенные указания (топография стоянок). Охота играла подсобную роль и осуществлялась в тех же экологических условиях, что и рыболовство. К середине III тысячелетия роль охоты значи-

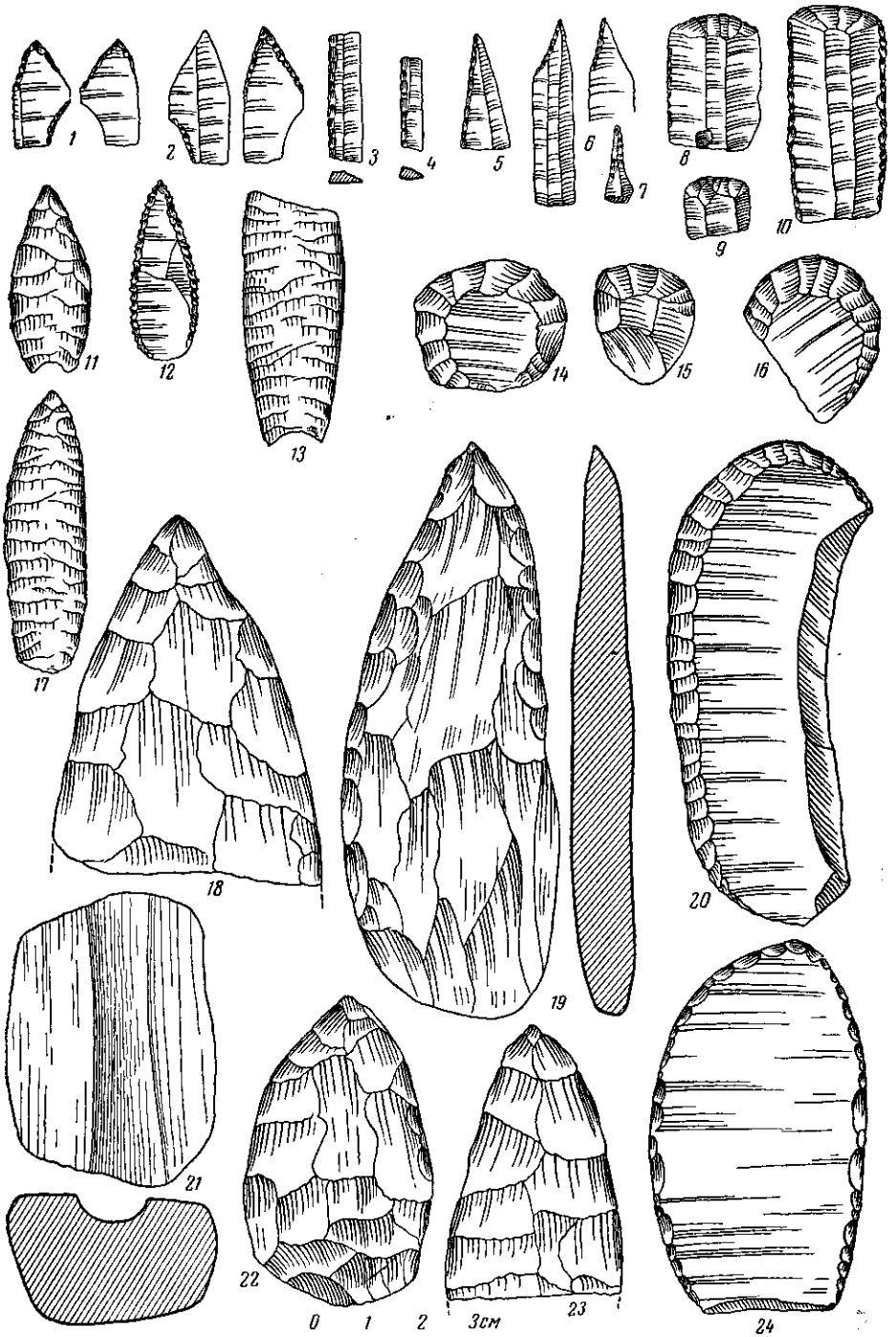

Рис. 5. Поздний этап кельтеминарской культуры, изделия из кремня и кварцита: 1, 2, 6, 7, 11, 12, 19—24—Беш-Булак; 3—5, 8—10, 13, 16, 18, 20, 22, 23—Саксаульская-2; 14, 17—Аральск-10; 15—Аральск-6; 21—Желги-Загем-3

тельно возросла. Об этом, в частности, свидетельствует резкое увеличение количества изделий из камня, связанных непосредственно с охотничьими занятиями населения (двустороннеобработанные наконечники стрел), и появление новых типов охотничьего инвентаря — наконечников копий и дротиков, больших ножей. Появление последних связано, по-видимому, с развертыванием охоты на крупных млекопитающих пустыни — джейрана, джегитая, что подтверждается, в частности, находками костей джегитая на стоянке Саксаульская⁶ и наличием наряду с крупными, долговременными стоянками большого количества мелких стоянок с бедным инвентарем, расположенных вдали от значительных источников воды. Несомненно, это временные стойбища бродячих охотничьих групп. С поздним этапом кельтеминарской культуры связано первое свидетельство о появлении на этой территории скотоводства⁷.

Частичная публикация материалов раскопанной под руководством С. П. Толстова первой кельтеминарской стоянки Джанбас-4 вызвала большой интерес специалистов в области неолита. Уже в первых публикациях С. П. Толстов отмечал, что кельтеминарская культура по характеру орнаментации керамики и каменному инвентарю в какой-то мере входит «как наиболее раннее ее звено в комплекс культур энеолита северо-восточной Европы и северо-западной Азии». Им же были намечены точки соприкосновения кельтеминарской культуры с рядом культур как смежных, так и территориально отдаленных, — афанасьевской, нижнеобской неолитической культурой, культурами шигирско-горбуновского типа, нижневолжской микролитической культурой⁸. Накопленный за последние годы материал целиком подтвердил и значительно расширил эти связи. Исследованиями В. Н. Чернецова установлено, что «кельтеминарская и близкие ей культуры явились, очевидно, одним из компонентов, обусловивших сложение неолитической культуры Нижнего Приобья»⁹.

В свете новых исследований в области кельтеминара подтверждается гипотеза С. П. Толстова об активном участии кельтеминарской культуры в сложении культур шигирско-горбуновского типа. С. В. Киселевым поставлен вопрос о возможном участии кельтеминарской культуры в формировании доафанасьевской неолитической культуры в Южной Сибири¹⁰. Однако сразу же было отмечено, что материал стоянки Джанбас-4 имеет также довольно широкие южные аналогии. Недостаточная изученность материалов эпохи неолита и энеолита южных областей Средней Азии сильно мешала (да и теперь мешает) подробно проследить эти связи.

Определение раковин, обнаруженных на стоянке Джанбас-4, показало, что некоторые из них не характерны для бассейна Арала. Один из видов моллюсков *Dentalium* встречается в настоящее время как на юге (Средиземное и Красное моря, Персидский залив), так и на севере (Баренцово и Северное моря), два остальных обитают только в водах бассейна Индийского океана — в Красном море, Персидском и Аравийском заливах. Находки эти, пишет С. П. Толстов, «позволяют считать установленным наличие непосредственных связей неолитического Хорезма с побережьем бассейна Индийского океана»¹¹.

В связи с этим фактом, а также привлекая лингвистический материал, С. П. Толстов высказал гипотезу, что корни глубоких и достаточно хорошо прослеживаемых связей между финно-угорскими (особенно угорскими) и доарийскими — дравидийскими и мунда — языками Индии лежат в глу-

⁶ А. А. Формозов, Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане, стр. 6—7.

⁷ А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 7.

⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 64—65; его же, Древности Верхнего Хорезма, стр. 158.

⁹ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 60.

¹⁰ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 21, 32—33, 59—60.

¹¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 65—66.

бокой древности и относятся к III тысячелетию до н. э. или несколько более раннему времени¹².

При определении круга историко-культурных связей кельтеминара С. П. Толстов включал в него северную Индию вплоть до гор Виндхья на юге и Бирмы на юго-востоке. Основанием для этого послужило распространение на этой территории микролитического кремневого инвентаря и керамики со штампованным, в том числе елочным орнаментом¹³.

Стоянки и пещеры с микролитическим инвентарем открыты в настоящее время в большинстве провинций Индии, однако и абсолютная и относительная хронология микролитических комплексов разработана еще крайне слабо¹⁴. Большинство их датируется различными периодами мезолита и неолита, часть — эпохой ранней бронзы. Следует отметить, что, несмотря на общий для обеих культур микролитовидный характер, каменная индустрия кельтеминара сильно отличается от микролитической индустрии северных областей Индии. Микролитическая культура Индии характеризуется наличием большого количества изделий геометрической формы — сегментов, треугольников, трапеций, что не типично для кельтеминара в целом. Не находит аналогий в индийском материале и большинство кельтеминарских микролитовидных форм, за исключением разве вкладышей с притупленной спинкой и некоторых типов концевых скребков. Лепная керамика Индии, иногда сопровождающая находки микролитов, также почти не имеет точек соприкосновения с кельтеминарской. Кроме того, она крайне плохо изучена. Вопрос об индийских связях кельтеминара требует еще дальнейшего исследования.

Значительно больший интерес представляют впервые отмеченные С. П. Толстовым связи кельтеминарской культуры с древними земледельческими культурами анауского круга. Об этом прямо свидетельствуют уже первые находки на стоянках Джанбас-4 сосудов со следами окрашивания. «Постоянная окраска сосудов в красный цвет, — пишет С. П. Толстов, — а также их относительно высокое техническое качество, может быть, отражают влияния древних культур земледельческих племен южной Туркмении (Анау) и Иранского плато с его западной и южной периферией, да и композиционно орнамент Кельтеминара имеет много точек соприкосновения с этим миром так называемой «культуры крашеной керамики»¹⁵.

Изучение южных связей кельтеминарской культуры имеет исключительно важное значение для освещения вопросов ее происхождения.

Ввиду того, что изучение древнеземледельческих культур на территории советской Средней Азии проводилось до недавнего времени недостаточно, а новейшие исследования в этой области еще не опубликованы, нам придется большей частью оперировать зарубежными материалами (Иран, Ирак и др.).

Выше мы уже отмечали, что для кельтеминарского каменного инвентаря, особенно на раннем этапе, характерно сохранение многих архаических черт как в технике обработки камня, так и в формах изделий (наконечники стрел на пластинах, вкладыши с притупленной стенкой и скошенным

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 65.

¹³ Там же.

¹⁴ Краткую библиографию по этому вопросу см.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 65; Г. М. Бонгард-Левин и Д. В. Деопик, Археологические работы в Индии, «Вестник древней истории», 1956, № 1. См. также работы: T. Wilson, Minute stone implements from India, «Annual Report of the board of regents of the Smithsonian Institute», Washington 1893; H. D. Sankalia, Stone age tools in the Baroda Museum, «Bulletin of the Baroda Museum and Picture Gallery», vol. II, pt. I, Baroda, 1946; K. R. Commander, R. Todd, A Microlithic industry in Eastern Mysore, «Man», vol. XLVIII, art. 25—41, 1948; V. D. Krishna swamy and K. V. Sundarajana, The Lithic Tool, Industries of the Singrauli Basin, District Mirzapur, «Ancient India», № 7, 1951; R. E. Wheeler, Brahmagiri and Chandravally, 1947; Megalithic and other Cultures in the Chitaldrug District, Mysore state, «Ancient India», No 4, 1947—1948.

¹⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72.

притупляющей ретушью концом, близкие по форме к мезолитическим асимметричным треугольникам, пластины с выемками и др.). Большинство микролитовидных форм, бытующих в кельтеминаре до конца III тысячелетия до н. э., полностью исчезают к этому времени в большинстве родственного кельтеминару культур под напором более совершенной техники развитого неолита. Чрезвычайно близкие аналогии каменному инвентарю раннего кельтеминара, доходящие иногда до полного сходства большинства микролитовидных форм, мы находим в материалах неолитических стоянок юга, обитатели которых частью были рыбаками и охотниками, частью — земледельцами или находились на грани земледелия.

Изучение первых началось лишь недавно и далеко еще не достигло уровня изученности земледельческих памятников с расписной керамикой.

В 1951—1952 гг. были опубликованы материалы раскопок доземледельческих и раннеземледельческих памятников Ирака¹⁶. Исследовано три хронологически последовательных памятника: пещерное поселение охотников и собирателей Палегаура (X тысячелетие до н. э. или несколько позднее), относящееся еще к эпохе мезолита; раннеолитическая открытая стоянка охотников Карим-Шахир (VI тысячелетие до н. э.), обитатели которой уже находились на грани земледелия, и раннеземледельческое поселение Джармо (первая половина — середина V тысячелетия до н. э.), в верхних слоях которого обнаружены первые образцы расписной керамики. Микролитовидный кремневый материал кельтеминара по наличию общих форм и по характеру близок значительно более раннему материалу пещеры Палегаура. Но наибольшую близость к инвентарю стоянки Джанбас-4 имеют материалы однослойной временной стоянки охотников Карим-Шахир и поселения Джармо.

Основной комплекс кремневого инвентаря стоянки Карим-Шахир имеет микролитовидный характер и по большинству форм изделий идентичен раннему кельтеминару. В инвентаре стоянки являются ведущими следующие формы: вкладыши с притупленной спинкой, вкладыши с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом, ножевидные пластины с выемками, проколки на пластинах срединного типа — т. е. формы, хорошо известные по материалам более позднего кельтеминара и составляющие в нем также основную группу микролитовидных форм (с добавлением асимметричной формы наконечников стрел, которых нет в Карим-Шахире). Следует также отметить сходные типы нуклеусов¹⁷.

На раннеземледельческом поселении Джармо, где раскопками вскрыты остатки глинобитных жилищ на каменном фундаменте, в области обработки камня (местного кремня и привозного обсидиана) полностью господствуют старые микролитические традиции. Крайне интересно, что из общего количества находок (свыше 100 тыс. изделий, обломков и отщепов) микролитовидных форм насчитывается больше 70%¹⁸. Продолжают бытовать все перечисленные выше типы изделий. Вкладыши с притупленной спинкой и скошенным концом в небольшом количестве обнаружены во всех слоях. В верхних слоях поселения найдены геометрические микролиты-трапеции, но их крайне мало. Большинство микролитов — сечения ножевидных пластин без обработки — использовались в качестве вкладышей для серпов¹⁹.

Судя по опубликованным материалам раннеземледельческих поселений Ирана и Южной Туркмении, пережитки, иногда весьма сильные, древней

¹⁶ R. J. Braidwood, A preliminary note on prehistoric excavations in Iraqi Kurdistan, 1950—1951. «Sumer», vol. VII, № 2, 1951; ег о же, From cave to village in prehistory Iraq. «Bulletin of the American Schools of Oriental Research», № 124, 1951.

¹⁷ R. J. Braidwood, The Near East and the Foundations for civilization. Eugene, Oregon, 1952.

¹⁸ Linda S. Braidwood, Preliminary notes on the Jarmo flint and obsidian industry, «Sumer», vol. VII, No 2, 1951.

¹⁹ Там же. Таблица рисунков изделий из камня помещена в работе R. J. Braidwood, The Near East...

микролитовидной техники обработки камня сохраняются там довольно долго. Среди находок с поселений IV, а иногда и III тысячелетия до н. э. пластинчатые каменные изделия занимают довольно значительное место. Правда, ряда древних видов изделий, существующих в кельтеминарской культуре в течение всего III тысячелетия, здесь уже нет. Коренное изменение в системе хозяйства вызвало к жизни многие новые типы изделий из камня. Однако многие близкие кельтеминару черты прослеживаются и здесь. Интересен в этом отношении каменный инвентарь поселения у Персеполя (Телль-и-Бакун А), имеющий чисто пластинчатый характер. Пластины мелкие, правильной огранки, трапециевидные или треугольные в сечении. Большинство их, иногда со следами ретуши по обеим сторонам, употреблялось в качестве вкладышей для серпов. Особенно интересны в этой коллекции орудия, определяемые Гроуфутом, как буравчики. Они изготовлены на ножевидных пластинах, имеют подтреугольный рабочий конец, образованный ретушью с одной стороны с брюшка, с другой — со спинки. В нижней части ретушью со спинки образована легкая боковая выемка. Орудия удивительно похожи на наконечники стрел кельтеминарского типа. Возможно, что они таковыми и являлись, так как наконечников стрел любых других типов здесь не обнаружено. Можно отметить, кроме того, обломок узкой длинной проколки, аналогичной соответствующему типу кельтеминарских проколок²⁰.

Еще более интересны кремневые материалы открытых недавно и частично раскопанных раннеземледельческих памятников Южной Туркмении. В культурном слое поселения Джойтун, датируемого V тысячелетием до н. э., вместе с древнейшей расписной керамикой, о которой мы будем говорить ниже, найдено небольшое количество изделий из кремня. Подавляющее большинство их — правильно оgranенные треугольные и трапециевидные в сечении ножевидные пластины. Из орудий следует отметить серию ножевидных пластин со скошенным притупляющей ретушью концом и тщательной подправкой ретушью одной из сторон. Кроме них, в коллекции имеются проколки на пластинах, концевые скребки, овальные или подтреугольной формы скребки на отщепях и несколько трапещей. Все эти типы изделий в той или иной степени характерны для кельтеминара. Более того, с территории распространения памятников земледельческой культуры Анау и конкретно из района Джойтуна известны находки наконечников стрел кельтеминарского типа на ножевидных пластинах. В 1930-х годах они были найдены геологами в указанном районе²¹. По сообщению С. А. Ершова, один асимметричный наконечник стрелы найден им при шурфовке на поселении Джойтун. Имеются они и в материалах разведочных раскопок А. А. Марущенко памятников анауской культуры (точное местонахождение нам неизвестно, материалы не опубликованы). Культурная принадлежность этих находок пока еще недостаточно ясна; следует учитывать, что в южных Кара-Кумах обнаружены развешанные стоянки с микролитовидным инвентарем, оставленные охотниками кельтеминарской или близко родственной ей археологической культуры.

В качестве примера можно привести также материал I—II периодов Сиалка²² и третьего слоя Шах-Тепе²³. В материалах этих поселений, кроме некоторого количества ножевидных пластин — вкладышей серпов, встречаются проколки на пластинах, скребки концевые и на отщепях, изредка пластины с выемками. Большинство этих форм близко к кельтеминарским, но близость эта, конечно, значительно меньшая и ограничивается зачастую общим сходством характера инвентаря.

²⁰ A. Langsdorf, D. E. McCown, Tall-i-Bakun A, Season of 1932, Chicago, 1942, стр. 76.

²¹ По сообщению В. М. Массона.

²² R. Ghirshman, Fouilles de Siak, Paris, 1938, vol. I, табл. LV.

²³ T. J. Arne, Excavations at Shah Tepe, Iran, Stockholm, 1945, vol. I, табл. LXXI.

Значительно более интересный результат получается при сравнительном изучении керамики кельтеминарской и южных земледельческих культур, ее форм и орнаментики.

Реконструкция основных форм раннекельтеминарской керамики показала, что они по своей совокупности не совсем характерны для керамики позднего неолита и энеолита близких кельтеминару северных культур. Правда, наиболее часто встречающиеся формы — большие сосуды с несколько отогнутым венчиком и слегка раздутым туловом и широкогорлые кругло- или остродонные чашки — не являются специфичными только для кельтеминарской культуры и характерны для позднего неолита и энеолита многих областей. Наибольший интерес представляют формы, отличающие кельтеминарскую культуру даже от наиболее близких ей и, возможно, даже родственных культур севера и связывающие ее, как нам представляется, с южными земледельческими культурами. Мы имеем в виду следующие формы: 1) сосуды со сферическим (или близким к нему) туловом, узким горлом и отогнутым наружу прямым венчиком; 2) ладьевидные сосуды и их вариант — овално-угловатые чаши. Первая форма не характерна ни для нижеобского, уральского и прикамского, ни для южно-сибирского и прибайкальского неолита. На территории Восточной Европы мы находим аналогичные или сходные формы только в культурах земледельческих или стоящих на грани земледелия (игренские стоянки на Днестре, стоянки среднеднепровской, трипольской и фатьяновской культур)²⁴. Естественно, что такие отдаленные аналогии вряд ли могут указывать на наличие каких-то связей, особенно если учитывать отсутствие общих черт в орнаментике посуды.

Почти полные аналогии всем формам раннекельтеминарской керамики мы находим в материалах раннеземледельческих поселений юга Средней Азии и Ирана. Сосуды со сферическим туловом и прямым отогнутым наружу венчиком со стоянок Джанбас-4 и Джингельды-6 встречаются ближайšie аналогии в большинстве раннеземледельческих памятников юга (правда, часто это сосуды с плоским дном, но имеются и круглодонные и даже остродонные). Для примера можно взять керамический материал III — II слоев Шах-Тепе (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.), где подобные формы встречаются в изобилии²⁵, нижних слоев Анау²⁶, Намазга-Тепе²⁷ и других памятников. На юге же мы находим полные аналогии двум несколько отличным вариантам этой формы сосудов, имеющимся в материалах стоянки Джанбас-4.

Совершенно не имеют аналогий на севере сосуды ладьевидной формы и эллиптоидные угловатые чаши. Правда, К. В. Сальниковым в погребении эпохи бронзы на южном Урале найден сосуд, напоминающий второй тип²⁸, но он относится к значительно более позднему времени и, по утверждению С. П. Толстова, является поздней реминисценцией кельтеминарской формы²⁹. Южное происхождение сосудов подобной формы не вызывает сомнения. Правда, нам в настоящее время не известны точные южные аналогии кельтеминарским ладьевидным сосудам, имеющим в профиль форму разрезанного вдоль яйца, но известно, что подобный принцип формовки сосудов в древности был довольно широко распространен на юге. Ладьевидные сосуды, несколько отличной от кельтеминарской формы, известны нам из фаяюмских материалов (Файюм А). Близкие к кельтеминарским не только по форме, но и по характеру орнамента

²⁴ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952.

²⁵ Т. J. Arne, Указ. раб.

²⁶ R. Pumpelly, Explorations in Turkestan, vol. I, Washington, 1908.

²⁷ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе. (По данным раскопок 1949—1950), «Сов. этнография», 1952, № 4.

²⁸ Е. В. Сальников, Андроновский курганный могильник у с. Федоровки, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 1, 1940, стр. 63, табл. 1, 4, 12.

²⁹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 64.

сосуды найдены недавно в протодинастических погребениях в северном Судане (к северу от Хартума). Они эллипсоидны по форме, отличаются от кельтеминарских меньшими размерами (примерно наполовину) и сплошь покрыты прочерченным орнаментом в виде параллельных линий, образующих многоугольники неправильной формы³⁰, — прием, характерный для кельтеминара. По сообщению С. А. Ершова, неорнаментированный ладьевидный сосуд, по форме аналогичный джанбасскому, найден при раскопках Яссы-Тепе (культура Анау I).

Следует отметить, что полные аналогии на юге имеют и две другие, не столь специфические формы: большие сосуды со слегка отогнутым венчиком и широкогорлые чашки. Первые имеются, в частности, среди грубой керамики Анау³¹, а вторые чрезвычайно характерны для всех памятников с расписной керамикой, причем в ранних слоях они часто имеют, как и в кельтеминаре, круглое или слегка заостренное дно.

Исключительное значение для выяснения южных связей кельтеминарских племен имеют довольно многочисленные факты окрашивания сосудов, наблюдаемые в керамике стоянки Джанбас-4. Окрашивание производилось красной или желтой охрой. По сообщению С. П. Толстова, окраска сосудов имела характер сплошного покрытия; в настоящее время слой краски местами отпал, и керамика выглядит пятнистой. Интересны обломки сосуда (широкогорлой чашки) со следами раскрашивания в виде двух параллельных линий под венчиком на внутренней поверхности — мотив, широко распространенный в культурах расписной керамики юга. Раскраска сосудов производилась непосредственно на стоянке; об этом свидетельствуют находки кусков красной и желтой охры. На открытой в 1955 г. кельтеминарской стоянке Беш-Булак также были найдены обломки сосуда с росписью. Роспись имеет форму полукруглых контурных фестонов, спускающихся от венчика; края фестонов заходят один на другой. Небезынтересно в этой связи вспомнить роспись стенок сосуда, обнаруженного С. В. Киселевым в материалах афанасьевского могильника у с. Тесь. Роспись представляет собой «пять полос рисунка, нанесенного белой краской, изображающего поставленные вертикально от плечей до дна лесенки с шарниры боковыми линиями, к которым примыкают снаружи основаниями треугольные городки»³². С. В. Киселев отмечает аналогии этой композиции в материалах Анау III. Вполне вероятно, что посредником здесь была кельтеминарская культура, имевшая связи как с афанасьевской культурой, так и с культурой Анау.

Наибольший интерес представляет сравнительное изучение элементов орнамента и приемов орнаментального заполнения пространства в керамике кельтеминарской (в основном на раннем этапе ее развития) и раннеземледельческих культур юга (рис. 6).

При сравнении орнаментальных мотивов необходимо, конечно, учитывать принципиальную разницу в технике их нанесения. Немногочисленные попытки ранних кельтеминарцев использовать минеральную краску для раскрашивания керамики, как мы убедились, не получили широкого распространения. Кельтеминарская роспись — очень плохого качества и выявляется преимущественно по следам, оставленным осыпавшейся краской. Поэтому мы будем в основном рассматривать орнамент, нанесенный путем прочерчивания, насечки, вдавления и т. п., в котором кельтеминарцы достигли значительного совершенства.

При изучении керамического материала ряда раннекельтеминарских стоянок (Джанбас-4, Куняк) установлено, что в орнаментации керамики, наряду с различными комбинациями элементов вдавленного и па-

³⁰ A. J. Arkell, Shaheinab, An account of the Excavation of a neolithic occupation site carried out for the Sudan Antiquities Service in 1949—1950, стр. 86, фиг. 38, табл. 41, 12, 13.

³¹ R. Pumpelly, Указ. раб., т. I, табл. 21, 2.

³² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 32—33.

сеченного орнамента, довольно значительное место занимает прочерченный волнистый орнамент. Учитывая, что уже в материалах стоянки Джингельды-6, датированной серединой III тысячелетия до н. э., процент волнистого орнамента сильно сокращается, а в более поздних стоянках он почти совсем исчезает, можно сделать вывод, что волнистый орнамент является наиболее древним приемом орнаментации кельтеминарской керамики. Волнистый орнамент в его специфических для кельтеминара формах (сплошное заполнение параллельными горизонтальными и вертикальными волнистыми линиями различных геометрических фигур, главным образом прямоугольников) имеет, на наш взгляд, южное происхождение.

Широкое распространение прочерченного волнистого орнамента в близких к кельтеминарским мотивам характерно на севере только для керамики нижнеобского неолита³³. Керамика даже таких близких к кельтеминару культур, как шигирская и горбуновская, уже не дает по орнаменту такого полного сходства с кельтеминарской, особенно если различать прочерченный волнистый орнамент, наносимый палочкой, и струйчатый, наносимый гребенкой.

В то же время крайне близкие аналогии волнистому орнаменту кельтеминара, достигающие иногда до почти полного сходства композиций, в которых он применен, мы находим в культурах крашеной керамики. Исследования в Южной Туркмении и Передней Азии показали, что освоение неолитическими охотниками земледелия в общем совпадает хронологически с появлением крашеной керамики, древнейшим орнаментом которой был волнистый. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы поселения Джармо в Ираке (V тысячелетие до н. э.) и недавно открытого самого раннего в Южной Туркмении земледельческого поселения Джойтун (V тысячелетие до н. э.), обитатели которого целиком находились на стадии неолита. Керамика Джойтуна покрыта вертикальными линиями волнистого орнамента, нанесенными темно-коричневой краской на красный фон³⁴.

Волнистый орнамент и его разновидность — прямолинейный — играют важную роль в орнаменте таких классических земледельческих памятников, как Анау, Сялук, Шах-Тепе, Гиссар, Телль-и-Бакун и др. Характерно, что различными сочетаниями волнистого орнамента земледельцы юга украшали иногда глиняные женские статуэтки³⁵.

Важным основанием для подтверждения южного происхождения волнистого кельтеминарского орнамента служит значительное сходство приемов его применения. Одним из наиболее характерных для раннего кельтеминара орнаментальных приемов является заштриховка волнистыми линиями (реже прямыми) различных геометрических фигур, чаще всего прямоугольника. Совершенно то же мы находим и в расписной керамике. Как видно из прилагаемого рисунка, такое сходство доходит иногда почти до тождества. Чрезвычайно распространенный в расписной керамике прием украшения сосудов вертикальными, спускающимися от венчика волнистыми линиями — иногда парными или тройными, иногда сплошными — находит полные аналогии в раннем кельтеминаре. Для обеих культур характерно употребление различных сочетаний волнистого и линейного орнамента, а также прием заполнения пространства прямыми параллельными линиями, образующими неправильные геометрические фигуры. Можно отметить также чрезвычайно характерный для расписной керамики и встречающийся в кельтеминаре прием орнаментации «лесенкой», а также ромбоячейстой решеткой. Последний прием в раннекельтеминарской керамике встречается в чистом виде (крупно- и мелко ромбоячейстая решетка), а в поздней (Акча-Дарья, материал 1955 г.) в форме покрытия

³³ В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья, стр. 28—31, табл. IX.

³⁴ «История Туркменской ССР», т. I (макет), Ашхабад, 1955, стр. 24.

³⁵ A. Langsdorf, D. E. McCown, Указ. раб., табл. 6, 17, 18.

Интересно сравнение украшений круглодонных широкогорлых чашек, характерных для всего кельтеминара, а на юге — преимущественно для ранних памятников. Орнаментом, близким по типу к кельтеминарскому, обычно покрыта только верхняя треть сосуда. В качестве общей черты следует отметить прием нанесения орнамента на внутреннюю поверхность сосуда, также в верхней его части. Характерно, что некоторые виды ор-

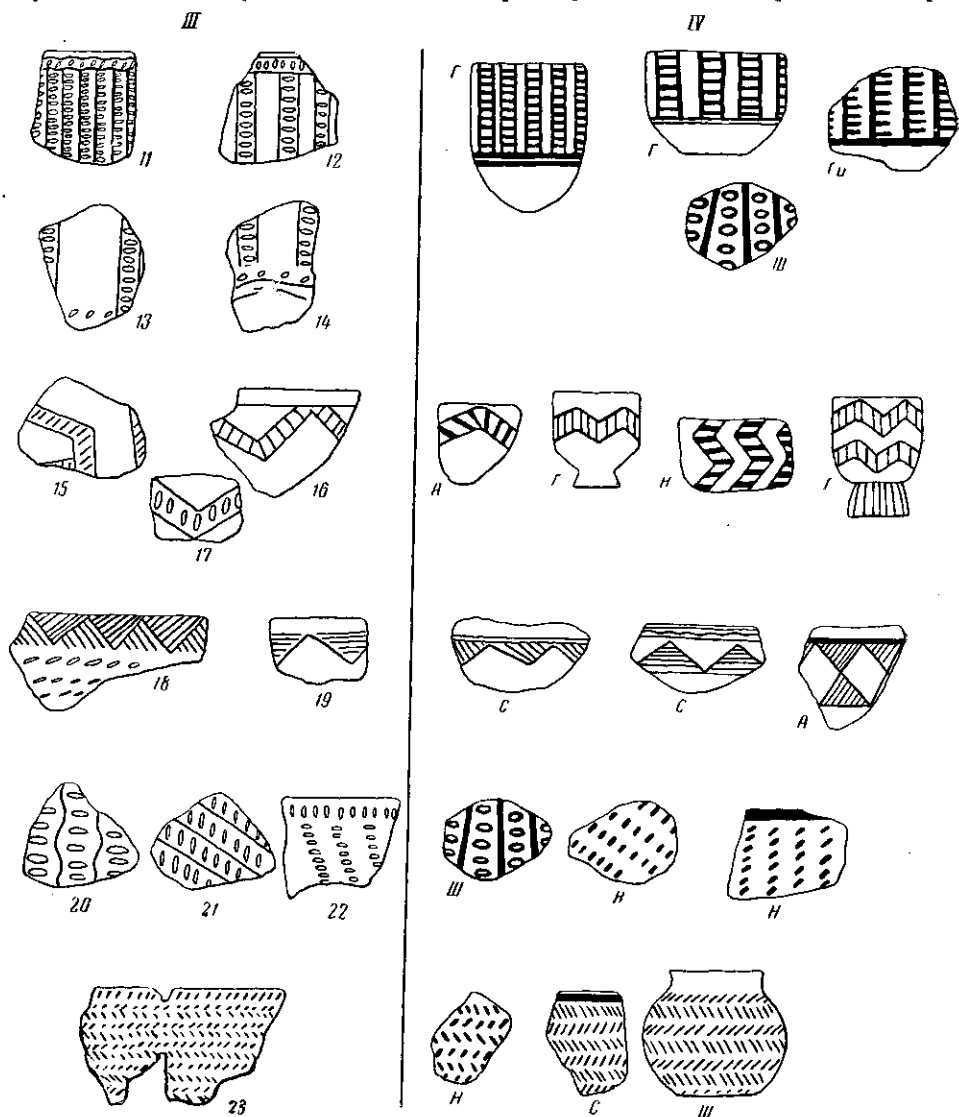

Рис. 6 (III—IV)

намента южной керамики, особенно на грубых сосудах, наносились техникой, аналогичной кельтеминарской, т. е. прочерчиванием.

В заключение необходимо коротко остановиться еще на одном (правда, встреченном в единственном числе) приеме украшения сосудов, южное происхождение которого не вызывает сомнения. Мы имеем ввиду фрагмент овальной чаши, имеющей на узкой наружной части тулова, непосредственно под венчиком, утолщение с двумя коническими сосковидными выступами. Южные аналогии этому приему уже приводились С. П. Толстовым, который писал, что эти украшения «несколько напоминают пар-

ные конические выступы некоторых антропоморфных сосудов из Тепе-Гиссар, Трои и среднеевропейского неолита, где они символизируют женские груди»³⁶. Отметим еще одну, несколько более близкую аналогию — сосуд с выступами из погребения в Шах-Тепе³⁷. По форме он аналогичен сосуду из Тепе-Гиссар, но является значительно более условным изображением женского торса.

Изучение материала кельтеминарских стоянок довольно убедительно показывает, что древние культурные связи охотников и рыбаков северных областей Средней Азии с земледельцами предгорий были значительно более тесными и оживленными, чем это можно было предполагать до настоящего времени. Основанием для этого предположения служит не только кельтеминарский материал — об этом, в частности, свидетельствуют находки керамики, сделанной на круге, в V—II слоях Джебельской пещеры³⁸, несомненно импортного характера, и находки сероглиняной керамики типа Гиссар II или Шах-Тепе II в верхних слоях пещеры Белт³⁹. Тесные южные связи переплетались с взаимными связями отдельных охотничье-рыболовческих культур.

Интересно в этом отношении изучение территории распространения украшений из раковин каспийских моллюсков *Didacna*. В 1947 г. А. П. Окладниковым в приморской части Туркмении, у мыса Куба-Тенгир, была открыта неолитическая мастерская по изготовлению раковинных украшений, основную массу находок в которой составляли бусы из створок *Didacna* и большое количество заготовок для них⁴⁰. В настоящее время установлено, что изделия из раковин *Didacna*, встречающихся в трансгрессивных отложениях в Прикаспии, распространены далеко за пределами коренного залегания раковин. Они обнаружены на многих кельтеминарских стоянках⁴¹, известны в материалах земледельческих памятников Южной Туркмении и Ирана (Шах-Тепе, II слой)⁴². Дальнейшее изучение материала позволит, несомненно, наметить несколько центров распространения подобных украшений или сырья для их изготовления. Куба-тенгирские и кельтеминарские мастера делали бусы овальной или округлой формы с отверстием в центре или у одного из краев, а в украшениях из Шах-Тепе сохранена натуральная форма раковины и отверстие просверлено в замке. В этом отношении шах-тепинское украшение близко к аналогичным украшениям из пещеры Белт. Прав А. П. Окладников, утверждая, что находка мастерской свидетельствует «о зарождении каких-то широких межплеменных связей, хотя бы и этапных по характеру, но, во всяком случае, по своему масштабу выходявших... за узкие пределы одной какой-либо родовой общины»⁴³.

Правда, в этом вопросе еще очень много неясного. Так, например, можно делать лишь предположения о характере отношений между земледельческими и рыболовческо-охотничьими племенами, о средствах и способах проникновения на север некоторых элементов, характерных для земледельческих культур юга.

Однако не все из описанного выше можно объяснить простым влиянием одной культуры на другую, в частности более высокоразвитых культур анауского круга на кельтеминарскую. Мы уже отмечали, что наи-

³⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 64.

³⁷ Т. J. Агпе, Указ. раб., табл. XXXIX, фиг. 268.

³⁸ В. М. Массон, Древняя культура Дахистана (Историко-археологические очерки), кандидатская диссертация, 1954.

³⁹ С. S. Сооп, Cave explorations in Iran, Philadelphia, 1949.

⁴⁰ А. П. Окладников, Изучение древнейших археологических памятников Туркмении, КСИИМК, XXVIII, 1949.

⁴¹ А. В. Виноградов, Неолитические украшения из створок раковин *Didacna*, КСИИМК, 59, 1955.

⁴² Т. J. Агпе, Указ. раб., табл. LXXV, рис. 589, а, б.

⁴³ А. П. Окладников, Изучение древнейших археологических памятников Туркмении, стр. 70.

более близкие микролитовидному инвентарю раннего кельтеминара южные аналогии (Карим-Шахир, Джармо, Джойтун) датируются значительно более ранним временем. В синхронных раннему этапу кельтеминара (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.) земледельческих памятниках Южной Туркмении и Ирана микролитовидная традиция в обработке камня начинает заметно ослабевать и аналогии кельтеминарскому материалу не так ярки. Близкое сходство ряда довольно сложных и своеобразных орнаментальных приемов и композиций также нельзя объяснить заимствованием. Все это, на наш взгляд, — весьма определенные и интересные данные для постановки вопроса о происхождении кельтеминарской культуры.

В свете новейших археологических исследований на территории Туркмении, Ирана, Ирака и других стран Азии становится ясно, что поздне-неолитические культуры, как земледельческие, так и охотничье-рыболовецкие, имеют глубокие местные корни, восходящие к эпохе раннего неолита и мезолита. Об этом свидетельствуют материалы раскопок Р. Брейдвуда на территории Ирака и исследования Б. А. Куфтина, В. М. Массона, А. П. Окладникова и других ученых в Южной Туркмении.

Стоянка Джанбас-4, наиболее ранняя из всех кельтеминарских стоянок, дает уже хорошо сложившийся комплекс изделий из камня и керамики, бытующий в дальнейшем с различными изменениями свыше тысячелетия. На кельтеминарской территории мы не имеем еще, к сожалению, бесспорных материалов, более ранних, чем Джанбас-4. Однако имеются кое-какие указания на возможность обнаружения таких материалов. Это во-первых, находка на верхнем Узбое (поиск 45, 1952), в районе Кугунек-Кыра, наконечника стрелы на углу короткой широкой ножевидной пластины с узким черешком, которая как типологически, так и ввиду полного отсутствия аналогичных форм в материале кельтеминарских стоянок, должна быть отнесена ко времени более раннему, чем Джанбас-4. Во-вторых, это находки С. А. Ершова в районе Келифского Узбоя, — микролитовидный инвентарь, более древний, по утверждению автора, чем материал стоянки Джанбас-4⁴⁴. Следует заметить, что если древность первой находки почти бесспорна, то вторая, в свете новых исследований и характера материала (подъемный), вызывает большие сомнения.

Современными палеогеографическими и археологическими исследованиями установлено, что формирование Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи началось в раннехвалынское время, когда Хорезмская низменность была еще покрыта мелководным озером. Постепенно вытесняемые осадками, приносимыми сюда протоками (как на юге, южнее Султау-Уиз-Дага, так и на севере, южнее Бель-Тау), воды этого озера, промыв перешеек, отделявший его от Сарыкамышы, прорвались на запад и образовали Сарыкамышское озеро. Это событие, а также начало формирования русла Узбоя относятся к позднехвалынскому времени⁴⁵. Конец Хвалынской трансгрессии относят примерно к VI—VIII тысячелетию до н. э.⁴⁶

Учитывая это, мы вправе ожидать на этой территории находок, более древних, чем Джанбас-4. По-видимому, в это время происходило заселение берегов Хорезмского озера и дельтовых протоков Акча-Дарьи — Фахми. Южнее и юго-западнее, на территории современных центральных

⁴⁴ С. А. Ершов, Археологическая коллекция с Келифского Узбоя, «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1951, № 3.

⁴⁵ С. П. Толстов и А. С. Кесь, Проблема древнего течения Аму-Дарьи в свете новейших геоморфологических и археологических данных. Доклад на пленарном заседании съезда Всесоюзного географического общества, февраль 1953 г., архив Хорезмской экспедиции АН СССР. Основные выводы доклада изложены в статье С. П. Толстова и А. С. Кесь «История первобытных поселений на протоках древних дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи», сборник «Вопросы географии», М.—Л., 1956.

⁴⁶ Сборник «Стратиграфия четвертичных отложений и новейшая тектоника Прикаспийской низменности», М., 1953, стр. 38.

Кара-Кумов и Кызыл-Кумов, могли существовать группы бродячих охотников, временные открытые стоянки которых, естественно, плохо сохранились. Такими стоянками, возможно, более поздними, являются стоянки с бедным микролитическим инвентарем, открытые М. В. Воеводским на южной окраине Кара-Кумов⁴⁷, и несколько стоянок в центральных Кара-Кумах, открытых в 1930 г. Кара-Кумской серной экспедицией⁴⁸. На всех этих стоянках культурный слой полностью разрушен. Та же участь постигла, как нам хорошо известно, и большинство кельтеминарских стоянок как на Узбое, так и в дельте Акча-Дарьи. Несмотря на многолетние и территориально широкие разведки Хорезмской экспедиции, на многие десятки развешанных кельтеминарских стоянок приходится только одна с частично сохранившимся культурным слоем — Джанбас-4. Счастливым обстоятельством — перекрытие культурного слоя мощными отложениями такыривидного суглинка сразу же после того как стоянка была покинута — спасло ее от полного разрушения. По-видимому, большинство известных нам кельтеминарских стоянок Узбоя, Акча-Дарьи и западного Казахстана было разрушено еще в древности. Подтверждением этого служит чрезвычайно любопытная стратиграфия позднекельтеминарской стоянки Саксаульская-2. В 1955 г. шурфовкой на склоне одной из котловин выдува был вскрыт небольшой участок выклинивавшегося здесь культурного слоя с многочисленными находками кварцитовых изделий. По характеру залегания находок было установлено, что культурный слой стоянки был разрушен еще в древности, а затем стоянка была снова перекрыта мощными песчаными наносами.

Учитывая совокупность приведенных выше фактов и соображений, можно высказать гипотезу о том, что кельтеминарская культура сформировалась на той же древней микролитической охотничье-рыболовческой основе, что и земледельческие культуры расписной керамики Южной Туркмении и Ирана. Можно предположить, что предки кельтеминарцев, продвигаясь на север, заселили отдельные районы территории, на которой позднее расселились кельтеминарцы. Это произошло, по-видимому, в эпоху мезолита или раннего неолита. Как известно, именно в эпоху мезолита в связи со значительными изменениями в хозяйстве происходили крупные передвижения охотничьих групп и освоение новых районов.

Таким образом, на территории Южной Туркмении, Ирана, Ирака — в тех районах, где этому благоприятствовали природные условия, — к началу V тысячелетия до н. э. охотники, рыболовы и собиратели начали осваивать земледелие. Отдельные же их группы в ходе расселения и освоения новых районов в иных природных условиях продолжают развивать охоту и рыболовство — основу их хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий. В условиях сильно обводненной заболоченной местности, как это было, например, в низовьях Аму-Дарьи и в отдельных районах вдоль Узбоя, основой их хозяйственной жизни служило рыболовство и охота на водоплавающую птицу. Это обусловило длительное сохранение микролитического инвентаря и, в частности, многих форм, исчезавших или же исчезнувших на юге вместе с появлением земледелия.

Длительное сохранение охотничьего и рыболовческого уклада хозяйства и соответствующей ему материальной культуры наблюдалось, по-видимому, не только на севере. С. П. Толстов предполагает, что археологические исследования в пустынных, засушливых областях Ирана откроют новые стоянки охотников и собирателей в непосредственной близости от

⁴⁷ А. А. Формозов, Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 57.

⁴⁸ «Возвращение научной экспедиции из Кара-Кума», «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1/XII 1926 г., № 278; Д. И. Щербakov, Отчет о работах Кара-Кумской серной экспедиции осенью 1926 г., сборник «Серная проблема в Туркменистане», II, 1928, стр. 34.

древнейших очагов переднеазиатского земледелия, существовавших длительное время параллельно с ними.

Неблагоприятный для занятий земледелием характер природных условий был одной из причин длительного сохранения охоты и рыболовства как основы хозяйства у многих племен, живших на периферии земледельческих оазисов. Так, кельтеминарцы смогли перейти к скотоводству и, возможно, к зачаткам земледелия только во второй половине III тысячелетия до н. э. Начало поливного земледелия на этой территории относится к еще более позднему времени — к середине II тысячелетия до н. э. (примитивная ирригационная система, открытая Хорезмской экспедицией в 1954 г. в южной дельте Акча-Дарьи).

Мы уже отмечали выше, что имеющийся в нашем распоряжении материал не дает ответа на вопрос о характере отношений кельтеминарцев с земледельческими племенами Южной Туркмении и северного Ирана в IV — III тысячелетиях до н. э., обусловивших проникновение в кельтеминар ряда южных элементов культуры. Интересно в этом отношении предложение Т. А. Трофимовой, высказанное в одной из ее последних работ. Учитывая совокупность археологического и антропологического материала этого периода с территории Передней и Средней Азии, Т. А. Трофимова приходит к выводу, что нельзя полностью исключить возможность проникновения антропологических типов, свойственных области распространения раннеземледельческих культур крашеной керамики, на территорию Хорезма уже в кельтеминарскую эпоху⁴⁹. Возможно, что проникновением в кельтеминар этнической группы, связанной с носителями культуры типа Анау, обусловлены южные аналогии орнаментальным приемам и мотивам керамики кельтеминара.

В заключение еще раз отметим, что наши представления о происхождении кельтеминарской культуры носят в значительной степени гипотетический характер. В этом вопросе неясного еще в значительной степени больше, чем бесспорного. Однако, независимо от этого, южные связи кельтеминара, уводящие в круг культур расписной керамики Туркмении и северного Ирана, чрезвычайно интересны и заслуживают внимательного изучения.

⁴⁹ Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр-1 и 2, Труды Хорезмской экспедиции, т. II (находится в печати).